РАЗДЗЕЛ 9

Гісторыя, тэорыя і метадалогія журналістыкі

Николай Васык

Киевский университет имени Бориса Гринченко (Украина)

ОСОБЕННОСТИ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ РАДИОЖУРНАЛИСТИКИ 1930-х ГОДОВ (на примере двух радиопередач)

С момента выхода первых выпусков Украинского радио наблюдалась очень тесная связь радиовещания с печатной журналистикой. Так, выпуски эфирного вещания долгое время назывались радиогазетами (рабочая, крестьянская, комсомольская, пионерская, еврейская и эсперантогазета), а со временем более объемные – радиожурналами. К работе в радиоучреждениях разного уровня и непосредственной журналистской деятельности в эфире привлекались лучшие литературные таланты (Г. Косынка, В. Полищук, М. Семенко и др.), что обеспечивало высокий речевой художественный уровень выпусков, образность и точность выражений и – публицистичность программ, иногда чрезмерную.

Изучать историю Украинского радио 1920–30-х годов (как и всей мировой радиожурналистики) достаточно сложно. Ведь вещание велось в прямоэфирном режиме, технологии аудиозаписи тогда еще не было, поэтому о содержании и формальных особенностях передач можно узнать только из печатных источников (воспоминаний, реферативных материалов, обсуждений в прессе и т. п.). Поэтому, например, в «Основах радиожурналистики и радиоменеджмента» О. Гоян совсем не упоминает этот период [1], В. Лизанчук ограничивается несколькими абзацами о нем в фундаментальных «Основах радиожурналистики» [4, с. 17]. Неожиданно на помощь историкам отечественного радиовещания приходит как раз уже упоминавшаяся тесная связь радио с прессой и государственный контроль над массовым информированием.

Одни и те же люди создавали радиопрограммы, печатные издания и художественные тексты, поэтому пытались продублировать их в эфире или в печати (руководствовались заодно как популяризацией себя, так и финансовой прибылью). В свою очередь, власть заботилась о том, чтобы особенно важные в идеологическом аспекте материалы получили широ-

кий, многоканальный доступ к реципиенту («В тех странах, где оно (радио. – В.Н.) находилось под правительственным контролем, его влияние было колоссальным. Властители и политики получили возможность обращаться к своим народам и даже к другим странам при посредстве этой новинки. В тоталитарных обществах изобретение Маркони стало одним из главных рупоров партийной и правительственной пропаганды, а контроль над радиопространством определяли как одно из приоритетных направлений гарантирования госбезопасности...» [7]). Это приводило к тому, что определенная часть радиопрограмм полностью или частично попадали в печать, отдельными изданиями или частями изданий. Именно так вышли в свет «Радиовыступление» В. Кузьмича [3] и один из первых «радиомостов» между Киевом и Дальним Востоком в книге очерков Л. Плескачевского «Поезд идет на Восток» [5, с. 37–47].

Владимир Кузьмич (Кузьмыч) был известным литератором того времени (хотя и не первоядным), создателем так называемых производственных романов («Крылья»), среди них и о строительстве Днепрогеса («Турбины»), который тогда преимущественно называли Днепрэльстаном (Днепровская электрическая станция). Возведение Днепровской плотины было на то время весомым индустриальным прорывом советского государства, поэтому власть придавала ему особое пропагандистское значение. Как следствие, постоянно публиковались книги очерков, художественных текстов о ходе строительства, их переводили для союзного и зарубежного читателя, задачей отдельных литераторов стало постоянное освещение днепрэльстановских событий. К таким литераторам попал и уроженец Запорожья Владимир Кузьмич, который не только переводил в печать свои впечатления и наблюдения, но и готовил радиоматериалы. Одной из ключевых среди них была передача от 28 апреля 1932 г. (началом выхода указывается 19.00), которая не только транслировалась общесоюзными радиостанциями, но и передавалась за границу «станцией Коминтерна».

С. Трымбач указывал, что «теория кинематографического монтажа не случайно возникает в России... Оказалось, что из отдельных фрагментов зафиксированной киноплёнкой реальности можно создать принципиально новый образ действительности. Поэтому автор почувствовал себя творцом мира, революционером, который из обломков старого сооружал невиданные доселе образы, своеобразные “сны о будущем”. Таким образом искусство доказывало свою способность овладевать действительностью, революционизировать ее сквозь проекцию на сознание зрительских масс. Именно это и было необходимо руководителям большевистской России, которые принялись “перемонтировать” весь мир.

Открытие широких возможностей манипулировать сознанием масс было быстро и соответственным образом оценено политиками и державотворцами» [6, с. 57]. Может показаться парадоксальным перенесение этого тезиса на радио 20–30-х годов: ведь прямой эфир не предусматривал никакого непосредственного монтажа аудиопленки. И все-таки... Более-менее значительная по объему передача не могла выходить в эфир без непосредственного сценария, и вот тогда принципы монтажа – гиперболизация «нужного», идеологически правильного, соответственное комбинирование фрагментов для усиления эффекта и уменьшения или умалчивания того, что в авторскую и партийную, общегосударственную политику не вписывается, – начинают активно применяться. На радио он часто применялся и при выходе передач в эфир. Пользовались тем, что слушатель не может видеть участников передачи, которые поэтому огромными кусками или полностью зачитывали заранее заготовленный (собственными силами, а чаще – усилиями журналистов) текст.

Именно такой подход активно использовался В. Кузьмичем в его «Радиовыступлении» с Днепровской плотины. Участие в сценарном монтаже принимают не только журналист, режиссер, техники, но и ударники Днепрэльстана, которые ждут в надлежащих местах своего времени, чтобы выступить с отчетом-речью. Итак, днепрэльстановцы заранее готовятся к выступлению. Из текста «Радиовыступления» можно сделать закономерный вывод, что монологи ударников были репродукцией заготовленных материалов (все равно слушатель не мог видеть, как они читают по бумажке). Так, в выступлениях передовиков производства очень большое количество точных цифр, патетических публицистических заявлений, трафаретных сравнений упадка «мира капитала» и расцвета советского общества, величаний деятелей партии и правительства, прежде всего Сталина, каждое из них завершается лозунговым восклицанием. Собственно, таких «обязательных» мест немало и в речи самого журналиста-ведущего В. Кузьмича, хотя он пытается придать им оригинальное, неповторное речевое оформление.

Чего стоят хотя бы такие фразы журналиста: «Это радуга под ногами. Это – растоптанная радуга, подчиненная большевиками, как и другие силы природных стихий»; «Этот досрочный пуск первых турбин свидетельствует, что ударный труд на базе соцсоревнования, на базе глубокого овладения ударниками марксизмом-ленинизмом дал невиданные последствия»; «Это следствие хорошего хозяйствования при нашей социалистической системе вопреки капиталистической, которая сейчас пребывает в состоянии мирового экономического кризиса и ищет выход в войнах, направленных против победного пролетариата,

против СССР»; «Теперь Днепр поднялся, стал и вот задышит шлюзом Днепрэльстана. Он теперь единый, монолитный, как большевики» [3, с. 6, 7, 11, 46]. Удивление вызывает и вычурный полет журналистской фантазии, и то, какое отношение к производственным успехам имеет теория марксизма-ленинизма (почему-то ею овладели только ударники), и то, как неожиданно всплывает «капиталистическая система» при рассказе о возведении плотины.

Не отстают от журналиста ударники. Уже с первых слов прораб Голтелов упоминает и «генеральную линию Ленина», и «загнивающий капитализм», и «под проводом ленинского большевистского ЦК во главе с т. Сталиным», и «оппортунистов, малOVERов» и т. д. [3, с. 16–17]. И этот прораб, и другие передовики постоянно вспоминают о «пятилетке за четыре года». К концу 1932 года экономистам уже было понятно, что это нереальный призыв, но можно понять рабочих, которым никто об этом ничего не говорил, а они или свято верили в такой лозунг, или бездумно, по инерции его повторяли. Зато были фразы и абсолютно абсурдные. После неудач из возведения «гребенки» «передовая часть технических командиров нашла выход в шести указаниях т. Сталина, на основе которых перестроили всю работу... На основе шести указаний т. Сталина гребенку закончили до начала паводка» [3, с. 18, 19]. Очевидно, что был найден какой-то технический выход, но уже в подсознании заложена потребность к месту и не к месту все объяснять «историческими» тезисами вождей и партийных документов, на смену которым через короткое время приходили не менее «исторические» заявления, чтобы так же быстро уйти в небытие.

«Да здравствует ленинский ЦК во главе с т. Сталиным, ведущим армию ударников на построение социализма во всем мире!» – такое и подобные завершения выступлений уже ни у кого не вызывают удивление. Воочию убеждаемся, что призывы-штампы, противопоставления прогрессивного социализма и загнивающего капитализма, ритуальные обращения к партии и ее вождю и т. п. утвердились в советском обществе, журналистике, художественной литературе еще до начала массовых репрессий 1933–35 гг. и 1937 г. Сплошная пропаганда, агитация становятся основой всех произведений разных жанров в литературе, прессе, на радио. Поэтому рассказы Голтелова, Романько, Лановенко, Захарченко, даже когда речь идет о каких-то конкретных ситуациях, смахивают на речи абстрактного характера из уст профессионального публициста или партийного руководителя.

На фоне «Радиовыступлений» за 1932 год россыпи политических штампов и призывов в монологах крестьян Киевщины и украинцев

дальневосточных колхозов, которые сплошь встречаем в книге «Поезд идет на Восток» Леонида Плескачевского за 1940 год, уже воспринимаются вполне привычно. Тема украинского освоения Дальнего Востока очень интересна, но проблемы экономического, бытового обустройства, сохранения национально-культурной идентичности находят освещение разве что в очерках Н. Пичугина «Утро над Уссури» и частично в «По прериям и джунглям Биробиджана» И. Багмута. В 1940 году об этом писать уже было опасно, поэтому Л. Плескачевский с энтузиазмом воспевае освоение дальневосточных земель и недр, частично упоминает о трудностях, но называет их исключительно временными. Главное же его задание – любыми способами убедить жителей Украины ехать на Дальний Восток, обещая им небывалое материальное и культурное благосостояние. Именно с такой целью проводился один из первых прямых радиомостов между Киевом и Хабаровском (при помощи телефонной связи с выходом в республиканский радиоэфир жители Киевщины общались с родственниками, выехавшими в Приамурье), а потом его текстовое воспроизведение появилось на страницах книги Плескачевского. Агитационно-пропагандистский характер в этой радиопередаче уже традиционно был доминирующим.

Как следствие, привычными кажутся слова из уст 25-летнего председателя сельсовета о том, что «наши колхозы под руководством партии, Советского правительства и лично товарища Сталина достигли огромных успехов, а рассказы о дальневосточных проблемах «специально выдумали и пустили враги для того, чтобы отпугнуть от переселения людей» [5, с. 38]. Для колхозников «главная радость – то, что мне дано право быть участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки» [5, с. 40], они приводят многочисленные цифры, свидетельствующие о процветании колхозов с точностью до полуцентнера и до гектара, значительно меньше – о заработках, но тоже до рубля и килограмма зерна на трудовни. Также ведется речь в их монологах-диалогах о том, что «трудовая дисциплина в колхозах сейчас укрепляется. В этом помогло нам постановление партии и правительства о мерах охраны колхозной земли от разбазаривания» [5, с. 40], о борьбе с лодырями. Абстрактной политической риторикой, понятно, переполнено выступление секретаря Хабаровского горкома ВКП (б) Р. Назарова, фактически оно состоит из одних агитационно-пропагандистских общих мест.

Вроде как случайно спрашивают «материковые» украинцы, как дела на границе, какой уровень военной подготовки среди колхозников (!). Но все тот же Назаров как неоспоримые общепонятные вещи изрекает тезисы, что «жить и работать на землях Дальнего Востока для каждого

гражданина нашей страны – высокая честь, ведь мы живем на границе с капиталистическим миром и охранять эти земли не каждому дано» [5, с. 46]. Зато совсем кратко сообщают крестьяне родственникам то, что должно бы их больше всего интересовало: как живут те или другие члены семей, как их здоровье, кто женился-родился, какие бытовые условия, личная жизнь, досуг и т. д. Неизменным рефреном в противовес звучит: «Товарищи, мы приглашаем вас к себе. У нас земли много, приезжайте осваивать богатства нашего края – огромные и неисчерпаемые! Ждем от вас сообщений о приезде, дорогие земляки»; «Переселяйтесь, товарищи колхозники, на наши свободные плодородные земли, мы окажем вам огромную помощь»; «Итак, товарищи земляки, переселяйтесь к нам, на Дальний Восток, строить еще лучшую жизнь»; «Приезжайте, товарищи, жить и работать в наших колхозах! Мы надеемся, что колхозники Советской Украины горячо откликнутся на наш призыв и приедут работать к нам» [5, с. 39, 40, 42, 43, 46]. Становится понятно, что реплики крестьян были не спонтанными, а заранее заготовленными (и никоим образом не ими самими, а «ответственными» работниками) и адресовались не только родственникам и односельчанам – всем жителям Украины.

Сосредоточенность на агитационно-пропагандистских заданиях не отрицает тот факт, что обе передачи отличаются и информационной насыщенностью. «Радиожурналистика (даже подвергаясь идеологическим указаниям, пребывая в зависимости от тоталитарной системы) пыталась документально отражать бытие страны; часто радио оставалось единственным информатором, средством связи людей с миром» [2, с. 5]. Самой объективной информацией могут казаться бесконечные ряды цифр, статистические производственные ведомости и т. п. Тексты «Радиовыступления» и радиомоста из книги Плескачевского переполнены цифровой информацией, которую на слух воспринять и, тем более, запомнить нереально. Правда, даже статистика выборочна: фиксируются завоевания, рекорды, рост темпов, преимущества над западными технологиями и полностью игнорируются потери, просчеты, существенное отставание от «капиталистического» производства и пр. В. Кузьмич скрупулезно фиксирует даты и даже время этапов строительства плотин, пуска турбин.

«Радиовыступление» фиксирует зарожденную тогда традицию хвастаться всем, что «самое-самое-самое» («Огром-турбогенератор, каких еще нигде не пущено в мире...» [3, с. 8]), сравнивать отдаленные цифры и явления ради внешнего эффекта и наглядности огромных объемов работ, средств, материалов и пр.: «...сегодня первая турбина дала ток для

местных нужд. А это энергия целого Волховстроя! Это значит, что 10 цистерн нефти... вернутся на другие потребности...» [3, с. 10–11]. Радиомост, воспроизведенный Л. Плескачевским, в каждом рассказе участников содержит похожий набор цифр типа: «За колхозом закреплено 4403 гектара земли. Зерновых культур имеем 400 гектаров, сенокоса у нас – 500 гектаров, выгона – 300 гектаров, 90 гектаров картофеля, 146 гектаров овощей, 28 гектаров бахчевых, 33 гектара разных других культур. В 1938 году колхоз собрал: 101 центнер картофеля с гектара, 138,5 центнера помидор с гектара, 180,5 центнера капусты и по 100 центнеров других овощей» [5, 41]. Даже рассказчик не может без бумажки помнить эту статистику с очень точными цифрами. Закономерно, что печатный вариант значительно более приемлемый для реципиента.

В плане профессиональности материал В. Кузьмича отличается значительно более высоким уровнем. И дело совсем не в том, что, как у литератора, у него значительно образнее, ярче язык. Владимир Кузьмич оказывается умелым модератором: он дает много важной информации о прошлом, настоящем и будущем строительства Днепрэльстана, творит при помощи слов зрительные образы, знакомит слушателей с каждым участником передачи, перекидывает «мостики» от собственной речи к речи ударников и наоборот. А телефонный радиомост Киев – Хабаровск является простым воспроизведением монологов-диалогов и реплик крестьян и партработников. Невидимый руководитель «за микрофоном», очевидно, существует, передавая поочередно слово каждому из участников, но в эфире он никоим образом не проявляется. Кем являются рассказчики, почему именно они стали участниками радиомоста – можем догадываться только из их сообщений о себе.

В. Кузьмич и радиотехники пытаются максимально использовать возможности звука. В печатном виде «Радиовыступления» это находит проявление в ремарках, которые подаются курсивом: «(в микрофон врываються гудки заводов)»; «(микрофон реагирует на плеск волн)»; «(в микрофон влетают звуки рожка и глухого взрыва)» и др. [3, с. 4, 11, 21], или же в авторских словах: «Мы включаем микрофон внизу возле самой воды... Слышите широкий рев великана? Он гудит за километры по нижнему бьефу» [3, с. 5]. К этому добавляются авторские ремарки типа: «Вот пята водопада»; «Посмотрим на север... Слышите плеск воды? <...> Это раскинулось перед нами вдоль и ширишь новое озеро – озеро Ленина» [3, с. 5, 11] и много других подобных фраз. К этому прибавляются характерные для репортажа субъективные эмоциональные риторические восклицания, вопросы, впечатления и т. д.

Печатные варианты двух передач свидетельствуют об их разном профессиональном уровне («Радиовыступление» В. Кузьмича является одним из лучших примеров объемного радиорепортажа, являясь простой репродукцией реплик), но объединяются идеологизированностью, заангажированностью. В их защиту можно было бы сказать то, что профессиональные журналистские стандарты объективности, непредвзятости, сбалансированности подачи информации еще не были выработаны. Однако проблема состоит в том, что в советской журналистике они так и не были усвоены и никогда позже, а приведенные в книгах материалы свидетельствуют, что публицистическая риторика, односторонность, уместные и неуместные выпады против «мира капитала» утвердились в советской журналистике еще в 1920–30-е годы.

Літаратура

1. Гоян, О.Я. Становлення радiorинку в Україні / О.Я. Гоян // Основи радіожурналістики і радіоменеджменту: підручник / О.Я. Гоян. – Київ: ВПЦ «Київський університет», 2004. – С. 39–60.
2. Історія національного радіоэфіру: архівні матеріали (1942–1969) / Упор. Н. Сидоренко. – Київ: Ін-т журналістики, 2004. – 115 с.
3. Кузьміч, В. Радіовиступ / В. Кузьміч. – Харків: Видавництво письменників «Гарт», 1933. – 46 с.
4. Лизанчук, В.В. Основи радіожурналістики: підручник / В.В. Лизанчук. – Київ: Знання, 2006. – 628 с.
5. Плєскачєвський, Л. Поїзд іде на схід / Л. Плєскачєвський. – Київ: Державне в-во політичної літератури при РНК УРСР, 1940. – 63 с.
6. Тримбач, С. Українське кіно 1920-х років / С. Тримбач // Нариси з історії кіномистецтва України. – Київ: Інтертехнологія, 2006. – С. 53–75.
7. Цюпин Б. Ера радіо [Електронний ресурс] / Б. Цюпин. – 2013. – Режим доступу: <http://tyzhden.ua/History/70601>. – Дата доступу: 30.01.2014.